

ТОВОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 18.

16-го сентября 1910 г.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Іоаннъ Креститель.

На восточномъ берегу Мертваго моря, тамъ, гдѣ заіорданская страна граничитъ съ пустыней Аравійской, среди неприступныхъ скалъ высится крѣпость Махеронъ, она-же зимняя резиденція царей Галилейскихъ. Пустынна и безлюдна окрестность. Съ высокихъ башенъ Махеронскихъ далеко видна она. Вонъ, туда вдаль на югъ и востокъ безконечной песчанной пеленой легла пустыня безъ малѣйшаго слѣда растительности: солнце все выжгло. На западѣ окаменѣвшее въ своей неподвижности мрачное Мертвое море, а за нимъ обнаженные скалы и вершины горъ Іудейскихъ. Только на сѣверѣ и с.-западѣ взоръ нѣсколько радуется картина благословенной обѣтованной земли, полной плодородія, кипящей жизнью, съ десятками крупныхъ и сотнями мелкихъ городовъ. Серебристой лентой извивается среди густой зелени Іорданъ, то вспыхивая на солнцѣ, то снова прячась подъ тѣнь ивъ, печально свѣсившихъ въ него свои вѣтви. Бѣлоснѣжнымъ конусомъ, упирающимся въ самое небо, на дальнемъ сѣверѣ вырисовывается гора Большой Ермонъ, и свѣтлой золотистой точкой искрится на солнцѣ куполъ Іерусалимскаго храма.

Изрѣдка Махеронъ оживаетъ. А въ обычное время кромѣ охраны воиновъ, зорко всматривающихся въ даль въ ожиданіи набѣга кочевниковъ, никого въ ней нѣтъ. Но въ настоящее время стража значительно усилена: въ одной изъ башенъ крѣпости, какъ въ темницѣ, заключенъ узникъ, тотъ великій Іоаннъ, чей голосъ такъ недавно потрясалъ сердца

людей, чья проповѣдь находила откликъ въ каждомъ, будя завѣтныя мечты, чье властное, полное гнѣва и правдивости слово заставляло блѣднѣть каждого—отъ простолюдина до царя.

Въ глубокой задумчивости у узкаго окошка своей темницы сидѣлъ узникъ, вглядываясь въ разстилавшуюся предъ нимъ даль. И картины недавняго прошлаго одна за другой вставали предъ его умственнымъ взоромъ.

Суровая пустыня Іудейская. Жизнь полная лишеній. Здѣсь среди природы, покорной голосу своего Творца, вдали отъ суеты міра вынашивалъ онъ въ себѣ великую мысль о предстоящемъ великомъ служеніи. Годы шли за годами. Не разъ сердце рвалось туда, къ соотечественникамъ и очи горѣли пламеннымъ огнемъ и на устахъ уже были жгучія слова обличенія. Но голоса Божія еще не было къ нему. Тамъ въ тиши Назарета зрѣла тайна Божія и хотя совсѣмъ близко подошло „исполненіе временъ“, но не наступило еще. И еще болѣе суровыми аскетическими подвигами закалялъ онъ и свое тѣло, и свою волю.

Но вотъ наконецъ голосъ Божій прозвучалъ для Іоанна совершенно явственно. И полный трепета и духовнаго восторга въ предвѣдѣніи дивныхъ наступающихъ событій, вышелъ онъ къ народу на берега Іордана...

Іоаннъ тихо перевелъ свой взоръ отъ окна на стѣны своей мрачной темницы. Полгода томится онъ здѣсь, отрѣзанный отъ всего міра, изрѣдка получая вѣсти о Томъ, Кто былъ для него дороже всего въ мірѣ. Отсюда онъ недавно послалъ своихъ двухъ учениковъ съ тревожнымъ вопросомъ. Успѣютъ-ли они вернуться? Или однѣ стѣны этой темницы примутъ послѣдній его вздохъ и послѣднее его завѣщаніе. Онъ зналъ, что смерть близка къ нему и спокоенъ былъ въ ожиданіи ея...

Тысячи народа наводнили берега Іордана, когда раздалось его слово. Оно звучало, какъ громъ своею неожиданностью и необычайностью среди полного молчанія пророческаго слова. Оно было вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно тихому дуновенію вѣтерка, полного свѣжести и того тонкаго благоуханія, которымъ вѣтерокъ насыщается, проносясь надъ цвѣтущими долинами Перей: успокоеніе, отраду несло оно въ сердца измученныхъ, близкія къ отчаянію. Простецы и ученые, пахарь и воины, начальники народа и та „чернь“, которую такъ глубоко презирали послѣдніе, всѣ приходили къ нему. И если его жадно всѣ слушали, то и онъ не менѣе жадно всматривался въ ихъ лица, отыскивая Того, ради Кого онъ былъ вызванъ изъ пустыни.

И чѣмъ ближе была эта встрѣча, тѣмъ властнѣе становилось его слово. „Покайтесь. Вотъ Тотъ, Кто приходитъ позже меня, но существуетъ ранѣе меня, сильнѣйшій, крѣпльшій, грозный судья и владыка, предъ кѣмъ я—рабъ, не смѣющій развязать ремень его обуви,—уже стоитъ среди васъ. И сѣкира въ его рукахъ, дабы срубить всякое негодное дерево“. И Іоанну уже рисовался образъ грядущаго такимъ, какимъ онъ рисовался каждому іудею.

Но вотъ произошла встрѣча „Грядущаго“ съ своимъ Предтечею. Отверзлись небеса и увидѣлъ Іоаннъ Духа Божія, который сходилъ, какъ голубь, и ниспускался на Христа. Голосъ съ небесъ говорилъ: „Сей есть сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе“. И когда Іоаннъ своимъ проникновеннымъ взоромъ вглядывался пристальнѣе въ Того, Кто называлъ „Сильнѣйшимъ, Грознымъ Судьей“, всмотрѣлся въ это смиреніе, преклоненіе главы для крещенія предъ рабомъ, принятія рабскаго крещенія, а нѣсколько позднѣе—въ эти черты лица, на которыхъ можно было прочесть всю тяжесть пережитыхъ искушеній въ пустынѣ,—новое, незнакомое до сихъ поръ чувство поднялось въ душѣ его. И теперь въ темницѣ онъ вспомнилъ, что легкое, какъ внезапно набѣжавшее облачко, недоумѣніе, правда на короткій срокъ, пережилъ онъ. Не чувство гордости своимъ повелителемъ, нѣтъ,—а чувство умиленія, тихой радости съ непонятной еще долей скорби, преклоненія предъ тайной, край завѣсы которой слегка приподнялся для него, наполнило его сердце. На этомъ лучезарномъ лицѣ, полного силъ и духовной мощи Судии и Бога лежала уже печать тяжелыхъ страданій и уже виднѣлся поднятый жертвенный ножъ для его закланія и сочащаяся невинная кровь, омывающая грѣхи людей. И въ порывѣ пророческаго вдохновенія онъ называлъ Христа страннымъ для себя, а тѣмъ болѣе страннымъ для окружающихъ именемъ: „Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра“.

А дни продолжали идти за днями и, казалось, ничто не говорило о страшномъ концѣ. Вся Галилея и даже Іудея съ восторгомъ приняли Христа. Предъ Нимъ раскрывались двери не домовъ только, а и сердецъ людскихъ и Онъ—благостный щедрою рукою расточалъ чудотворенія, и тою же щедрою рукою сѣялъ всюду сѣмена живого слова. Казалось, дѣйствительно наступило Царство Божіе, о которомъ говорилъ и самъ Іоаннъ и о чемъ проповѣдывалъ „Пришедшій“.

Радостнымъ взоромъ слѣдилъ Іоаннъ за успѣхами Христа. И когда въ сердцахъ его учениковъ вспыхивало недоброе чувство зависти къ новому учителю и ревности о своемъ, онъ подавлялъ въ нихъ это чувство, указывая на то, что его миссія кончена: все его дѣло взято въ болѣе могущественныя руки и онъ спокойно можетъ теперь „умалиться“, когда Тотъ „растетъ“. Онъ исполнилъ свое дѣло. Какъ другъ жениха, онъ способствовалъ сближенію жениха съ невѣстой и теперь, когда бракъ заключенъ, стоя въ сторонѣ, онъ радуется радостью новобрачныхъ.

Іоаннъ по прежнему остался суровымъ обличителемъ людской неправды, бичующею рѣчью приводящимъ народъ ко Христу. Но уже не разъ щемящее чувство близкаго конца закрадывалось въ его грудь. Безтрепетно смотрѣлъ онъ въ глаза будущему и готовъ былъ итти стопами своихъ предшественниковъ — пророковъ, изъ которыхъ многіе кончили мученически. Онъ только хотѣлъ-бы предъ своею смертью видѣть полный разцвѣтъ дѣла Христова и полное торжество послѣдняго.

Но суровая дѣйствительность не замедлила коснуться его. Грусливый, самолюбивый, нерѣшительный Иродъ Антипа наконецъ рѣшилъ по настоянію Иродіады, жены брата своего, съ которою состоялъ въ незаконной связи, наложить на него свои руки и заключить въ темницу.

Сюда, въ темницу, чрезъ учениковъ стали доходить до него новыя слухи о Христѣ. Радостный, ясный день общественной дѣятельности Христа сталъ подвергиваться легкими тучками, которыя, постепенно сгущаясь, образовали подъ конецъ цѣлую грозовую тучу. Первыми отшатнулись отъ него начальники Іудейскіе, чьимъ проискамъ не мало обязанъ былъ и самъ Іоаннъ своимъ заключеніемъ. Стали рѣдѣть толпы народа вокругъ Христа и полное наступленіе Царства Божія не только не приближалось, но отодвигалось въ далекое будущее. Вотъ и 12 апостоловъ вышли на проповѣдь. Но это была проповѣдь не вѣстниковъ грядущей мощи, несокрушимости, близкаго торжества надъ врагами, а проповѣдь смиренія, любви съ повтореніемъ прежняго призыва: „покайтесь, приблизилось Царствіе Божіе“. Какъ ядовитое дыханіе пронеслось страшное обвиненіе противъ Христа въ дѣйствиіи силой Вельзевула. И не громомъ обличительной рѣчи, не силой, пригибающей клеветниковъ къ землѣ, отвѣтилъ на это Христосъ.

И истаявало сердце Іоанна. Не колебался онъ въ своей вѣрѣ въ Того, Кого назвалъ на берегахъ Іордана Сыномъ Божіимъ. Нѣтъ, по

недоумѣніе ветхозавѣтнаго человѣка предъ новозавѣтными тайнами не покидало его. Большой изъ рожденныхъ женами въ вѣтхомъ завѣтѣ, дѣйствительно, оказывался меньшимъ самаго малаго изъ членовъ Царства Божія, ибо тайна смиреннаго Боговоплощенія, славы Божіей въ уничиженіи не вполне еще раскрылась.

И полный тревоги не за себя, а за своихъ учениковъ, которыхъ онъ хотѣлъ-бы передать, какъ даръ въ наслѣдіе Христу, отсюда изъ темницы посылаетъ онъ двоихъ къ Тому, Кто одинъ могъ разрѣшить его недоумѣніе. „Ты ли еси грядый, или иного чаемъ“?

Отвѣтъ былъ принесенъ вскорѣ. Изъ-за Иордана отъ Христа пришли посланные съ вѣстями о необыкновенномъ дарѣ чудотворенія Христа, о Его твердости въ шествіи избраннымъ путемъ, о Его неземномъ спокойствіи. Они-же передали Іоанну многознаменательныя, какъ для него, такъ еще больше для нихъ самихъ слова: „блаженъ, кто не соблазнится обо Мнѣ“.

Недоумѣніямъ былъ положенъ конецъ. И повторяя не разъ въ отношеніи Христа: „Агнецъ Божій, землей грѣхи міра“, какъ названіе, которое самымъ точнымъ образомъ обозначало сущность дѣла Христа, онъ сталъ учить съ особой настойчивостью своихъ учениковъ вѣрѣ въ Того, въ Комъ полагалъ весь смыслъ своей жизни.

Махеронъ ожилъ. Длиныя вереницы верблюдовъ и тяжело нагруженныхъ ословъ показались изъ за Иордана, направляясь къ нему. Когорта римскихъ воиновъ, тяжело ступая, шла сюда-же, сверкая на солнцѣ своими металлическими доспѣхами. Самъ Иродъ Антипа съ Иродіадой и Соломіей переселился сюда на осенние и зимніе мѣсяца. Шумомъ, говоромъ наполнился молчаливый дворъ крѣпости. Стража была усилена и ночную тишину не разъ будили перекликающіеся голоса воиновъ.

Былъ день рожденія Ирода. Знатные гости одинъ за другимъ прибывали въ крѣпость на поклонъ и для привѣтствія царя съ знаменательнымъ днемъ его жизни. Пиршественный залъ былъ залитъ огнями. Яства непрестанно смѣнялись новыми, еще болѣе изысканными. Тонкое кипрское вино, желтое какъ медъ, наполняло бокалы гостей. На смѣну пѣвцамъ, фокусникамъ, акробатамъ выступили танцовщицы легкія и изящныя въ своихъ тѣлодвиженіяхъ. Подходилъ тотъ моментъ, когда сытость переходитъ въ пресыщеніе, когда голосъ разсудка, затуманеннаго виномъ, подчиняется голосу страстей, когда исчезаетъ стыдъ въ людяхъ

и наружу выступает животная разнузданность, жажда грубыхъ чувственныхъ удовольствій...

И въ эту минуту съ легкимъ тамбуриномъ въ рукахъ, который она держала высоко надъ головой, полная нѣги и грацій, вышла къ гостямъ дочь царя — Соломія. Всѣ гости замерли въ ожиданіи. Тамбуринъ слегка задрожалъ и зазвенѣлъ тихими нѣжными звуками. И далеко отбросивши въ сторону верхній хитонъ, только мѣшающій при танцѣ, все постепенно ускоряя темпъ, Соломія вся отдалась порыву, охватившему ее. И уже не царская дочь, а молодмя вакханка, прелестная въ своемъ безтыдствѣ была предъ гостями.

Восторгъ царя и гостей не зналъ предѣловъ, когда она вдругъ оборвала танецъ и исчезла, какъ видѣніе. Царь въ изступленіи клялся, что исполнить любое ея желаніе, хотя бы она просила полцарства. А она уже стояла предъ нимъ въ обычномъ своемъ одѣяніи съ просьбою на устахъ. „Дай мнѣ на блюдѣ голову Крестителя“, тихо сказала она, словно сама не осмысливая своей просьбы.

Это было чудовищно дико даже по тѣмъ временамъ. И тѣмъ болѣе чудовищно, что просилъ объ этомъ подростокъ, дѣвочка 16 лѣтъ, въ чьемъ сердцѣ, казалось, менѣе всего могла найти мѣсто кровожадность. И только сверкающіе взоры второй женщины, выглядывавшей съ нетерпѣніемъ изъ-за завѣсы, съ чертами лица, искаженными злобой и жаждой мести къ тому, кто не разъ беспощадно обличалъ и ее и Ирода въ крвосмѣшеніи, — выдавалъ дѣйствительную виновницу этой просьбы — Иродіаду, мать Соломіи.

Содрогнулись всѣ, содрогнулся и царь и смутился. Но ложный стыдъ, какъ-бы не оказаться лжецомъ предъ гостями, пересилилъ въ немъ и страхъ, и голосъ совѣсти. Нерѣшительнымъ движеніемъ руки онъ далъ знакъ воинамъ исполнить просьбу его дочери.

Іоаннъ тихо бесѣдовалъ съ своими учениками, доступъ которымъ въ темницу не былъ возбраненъ. Его взоръ былъ устремленъ на сѣверо-западъ, туда, гдѣ училъ, проповѣдывалъ и творилъ чудеса Христосъ. Онъ раскрывалъ имъ ту великую истину, которая самому ему была не вполне ясна и которую воспринять можно только вѣрою, — тайну Богосыновства и Богочеловѣчества Христа, открытую только ему одному во время крещенія. Онъ говорилъ имъ о той враждѣ, которую міръ всегда питалъ къ избранникамъ Божиимъ, и въ силу которой свидѣтельства

Христа о Себѣ, Истинномъ Мессіи, тотъ-же міръ не принимаетъ. И та участь, которая постигла его—Предтечу Христа, готовится и Самому Христу. И словно Самъ Христосъ стоялъ предъ ними. Съ силой глубокаго убѣжденія, простирая руки впередъ и какъ бы указывая на Него, онъ еще разъ свидѣтельствовалъ: „се, агнецъ Божій, возмляй...“

Бесѣда грубо прервана была на полусловѣ. Вошли воины. И одинъ изъ нихъ, схвативши Іоанна, опрокинулъ его, а другой страшнымъ ударомъ меча отсѣкъ ему голову. Повелѣніе царя было исполнено. Святая кровь обагрила и полъ, и стѣны темницы. И не могъ уже сказать святой мученикъ своимъ ученикамъ, что не только тюремное заключеніе, но и подобная же, еще болѣе мучительная смерть будетъ концомъ жизни и Того, Кто былъ для него агнцемъ Божиимъ. И когда голова Іоанна была въ рукахъ воина, тусклѣющій взоръ медленно поворачивался въ сторону Христа и полураскрытыя уста словно хотѣли досказать: „возмляй грѣхи міра“.

Протоіерей Д. М.